

УДК 316.77+81
DOI 10.17506/dipi.2018.32.3.1524

СОЦИАЛЬНАЯ СЕМИОТИКА: ИЗУЧЕНИЕ ДИСКУРСОВ И ПРАКТИК СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ*

Ильин Михаил Васильевич,

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Центр перспективных методологий социально-гуманитарных
исследований ИНИОН РАН,
Москва, Россия,
E-mail: mikhaililyin48@gmail.com

Фомин Иван Владленович,

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Центр перспективных методологий социально-гуманитарных
исследований ИНИОН РАН,
Москва, Россия,
E-mail: fomin.i@gmail.com

Аннотация

В статье дается очерк развития социальной семиотики в течение последних четырех десятилетий. Рассматриваются предмет и дисциплинарные параметры социальной семиотики, а также современные вызовы мультимодальности и междисциплинарности.

Ключевые понятия:

Социальная семиотика, мультимодальность, междисциплинарность, дискурс, социальные практики, социальное взаимодействие.

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект №17-18-01536).

На 2018 год пришлось сразу два важных библиографических юбилея социальной семиотики. Первый связан с выходом в 1978 году книги Майкла Халлидея «Язык как социальная семиотика» (Language as social semiotic) [5]. Второй – с публикацией десятью годами позже книги Боба Ходжа и Гюнтера Кресса «Социальная семиотика» (Social Semiotics) [6]. В своей книге они развили некоторые из идей Халлидея, сделав важные шаги в направлении того, чтобы перейти от изучения «социальной интерпретации языка» к более общим задачам изучения механизмов коммуникации во всем их разнообразии.

Работы Халлидея, Ходжа и Кресса послужили импульсом для формирования семиотики как самостоятельного исследовательского направления, которое при всем разнообразии объектов своего изучения сохраняет достаточно отчетливую общую методологическую установку – изучение интерфейса между способами общения людей и формами их социального взаимодействия.

По ряду общих установок к сфере социальной семиотики близка область исследований, именуемая (критическим) дискурс-анализом, однако фактически между этими направлениями существует довольно отчетливая граница. Если для дискурс-анализа характерен отчетливый крен в сторону изучения лингвистического материала, социальная семиотика целенаправленно стремится к тому, чтобы расширить свой предметный охват и не ограничивать себя изучением одной лишь устной или письменной речи. Благодаря этому социальной семиотике удается поддерживать отчетливую социологическую доминанту, избегая замыкания в поле «лингвистических» подходов.

Впрочем, необоснованным оптимизмом было бы утверждение о том, что интерфейс между семиотическими исследованиями и социальными состоялся в полной мере. Каждый новый шаг к его формированию вместе с тем открывает и новые задачи. В этой статье мы постараемся проследить, как эти шаги совершались, в чем состояла суть совершенных достижений, и какие новые лакуны при таком продвижении возникали.

Социальная интерпретация языка и значения

Книга Майкла Халлидея имела подзаголовок «Социальная интерпретация языка и значения» («The social interpretation of language and meaning»). Что же понимает Халлидей под социальной семиотикой, и как он трактует «социальную интерпретацию языка»? Свою работу Халлидей открывает отчетливой установкой на систематическое рассмотрение языка как социального факта (social fact), а не только как знаковой системы. Тем самым выявляется новый предмет изучения – функциональные и смысловые стороны социальной жизни людей, как они проявляются в человеческом общении и языке. Именно этот предмет изучения Халлидей называет *социальной семиотикой*. Она предстает как соединение знаковой системы и речевой деятельности с социальной системой и практикой. Халлидей подчеркивает, что «язык таков, как он есть, в силу функций, которые он развил, дабы служить людям в их жизни» [5, р. 4].

Язык и вся осмысленная жизнь людей проникнуты тремя метафункциями: мыслительной (ideational) как средства репрезентации мира, межличностной (interpersonal) как средства участия и действия, текстовой (textual)

как операционального средства для производства связных и контекстуально релевантных сообщений.

Комплексный функциональный подход Халлидея строится на различении аналитических типов коммуникативных ситуаций. Это различие позволяет выводить собственно речевую практику в пространство социальной, а затем возвращать ее снова в языковую сферу. Это различие строится на трех основаниях: во-первых, что происходит; во-вторых, кто принимает участие; в-третьих, какую роль играет язык. Эти три переменных, взятые вместе, определяют *регистр* (register) или *диатип*, то есть область значений и средств выражения, определяемых ситуацией.

Сами по себе ситуативные типы, или социальные контексты, имеют, по Халлидею, три измерения: *поле*, *тональность*, *модус* (field, tenor, mode). Под *полем* Майкл Халлидей понимает предметную сферу общения. Это не только тематика собственно речи, но и вся социальная деятельность коммуникантов. *Тональность* касается отношений между участниками общения и характеризует степень их формализованности. Могут учитываться, например, такие показатели, как наличие старшинства и иерархии, степень знакомства, сходство или различие по личностным характеристикам. *Модус* характеризует каналы общения. Например, средства и способы взаимодействия: устные или письменные, подготовленные или спонтанные, с микрофоном и записью или нет и т. д. Три измерения социальной ситуации (*поле*, *тональность*, *модус*) изоморфны трем языковым метафункциям (*мыслительной*, *межличностной* и *текстуальной*, соответственно).

Языковая вариативность трактуется Халлидеем как вариативность относительно говорящего или диалект (dialect) и относительно языка или регистр (register) [5, p. 35]. Различие между диалектом и регистром состоит, по мнению Халлидея, в том, что диалект строится на факторах социального происхождения, пола, возраста и т. п., а регистр – поля, тональности, модуса и т. п.

Ставшее ключевым основанием социальной семиотики признание тесной взаимозависимости между структурами языка и общества фактически равнозначно установлению изоморфизма социальных и языковых структур. Именно этот изоморфизм позволяет делать социальные структуры осмысленными и содержательными, а лингвистические структуры социально действенными. Разумеется, структуры языкового и социального планов совпадают далеко не полностью. Это позволяет каждому из планов сохранять свою специфику. Более того, и в одном, и в другом плане есть немало таких элементов, которые не соотносимы однозначным образом с явлениями противоположного плана.

Суть новации Халлидея и одно из главных его достижений заключается в том, что он трактует язык как широкую социальную практику, а не только как знаковую систему. Ему удалось показать, что язык как явление, и тем самым коммуникационная практика, является не только знаковым – лингвистическим, семиотическим – феноменом, но и социальным. Однако это важное достижение имело существенные ограничения: работа Халлидея была проведена почти исключительно на языковом материале. Он сумел вычленить функции языка и показать, что многие из них социальны, при этом, однако, инсти-

туциональные аспекты фактически остались в тени – оказались прояснены функциональные аспекты языка как социальной семиотики, но не структурные.

Социальная семиотика: дисциплина и предмет

В работе Халлидея термин *социальная семиотика* используется преимущественно для обозначения *предмета* системно-функциональных исследований, а вот в качестве названия особой междисциплинарной области это словосочетание было введено в оборот уже его учениками Робертом Ходжем и Гюнтером Крессом, о которых мы упоминали выше. По-русски это различие передать трудно, но и в самой форме используемых терминов между Халлидеем и его последователями есть расхождения. В заглавии книги Халлидея (*Language as Social Semiotic*) английское слово *semiotic* («семиотика», «семиотический») стоит в единственном числе, поэтому, вероятно, более точным вариантом перевода была бы формула «Язык как социосемиотическое явление». В работе же Ходжа и Кресса (*Social Semiotics*) то же слово употреблено уже во множественном (*semiotics*), что, во-первых, перекликается с английскими названиями некоторых научных дисциплин (*mathematics, economics, physics* и т. п.), а, во-вторых, показывает, что авторы выходят за пределы халлидеевской лингвистической проблематики, фокусируясь не на естественном языке как на одном из семиотических явлений, а предлагая рамку, которая могла бы вписать все этого рода явления (включая, конечно, и язык).

В своей трактовке социальной семиотики Ходж и Кресс переносят акцент на трансфер знаний между дисциплинами и на конвергенцию соответствующих методологических традиций. В поле их зрения пресечение таких областей, как лингвистика и политология, психология и социология, системные и когнитивные исследования, то есть семиотики и социальных наук в целом.

Отправной точкой для рассуждений Ходжа и Кресса во многом послужило марксистское понимание социальной динамики, осмысленное, в том числе, через призму концепций Михаила Бахтина (авторы «Социальной семиотики» ссылаются на Валентина Волошинова), Антонио Грамши и Луи Альтюссера. По этой причине в их категориальном аппарате довольно отчетливо выражен критический аспект социосемиотического анализа.

Для обозначения системы правил, предписывающих, в каких ситуациях какие сообщения должны отправляться (режим производства смыслов) и получаться (режим рецепции смыслов), Кресс и Ходж вводят понятие *логономических систем*. Они тем самым моделируют взаимодействия между социальными группами. В их понимании логономические системы фиксируют информацию о том, какими должны быть условия производства и получения сообщений: кто, при каких обстоятельствах и каким образом какие сообщения может отправлять (или получать) [6, р. 4].

Резонно задать вопрос, к какой сфере принадлежат логономические системы. К социальной, к собственно языковой или к более широкой коммуникативной сфере, если пользоваться привычными и не слишком строгими терминами? К сфере адаптации, целедостижения, интеграции или латентного

поддержания образцов, если обратиться к более строгой парсонсианской терминологии? Однозначный ответ затруднителен в любом случае. Дело в том, что логономические системы являются своего рода связками между различными аналитическими сферами человеческого существования.

Авторы «Социальной семиотики» в своей работе совершают сразу два важных шага в становлении и развитии социальной семиотики как одной из ключевых трансдисциплинарных методологий. Первое их достижение состоит в том, что всё «человеческое» (не только язык) объявляется семиотическим, и именно из этой позиции происходит выстраивание всей новой аналитической рамки. Второе – в том, что разные стороны социальных взаимодействий оказываются представлены как семиотические модусы. Однако, заявляя это, Ходж и Кресс не проходят по начатому пути до конца. Фактически в их работе модусы оказываются редуцированы до привычных коммуникативных практик. А непривычные коммуникативные практики типа властных, хозяйственных и прочих «прямых», как бы и не коммуникативных, взаимодействий фактически выносятся за скобки.

В своих недавних работах Ходж и Кресс намечают новые перспективы развития социальной семиотики, связанные с нынешними вызовами науки и практики [2; 4; 8; 11; 12].

Социальная семиотика сегодня: вызовы мультимодальности

Ходж и Кресс последовательно и решительно выходят за пределы рассмотрения и анализа текстов в узком значении этого термина. Предмет их изучения – дискурсы, куда тексты вплетены наряду с другими символическими образованиями – визуальными, звуковыми, тактильными и т. д. Соединение различных способов или модусов социальной коммуникации становится важной находкой Ходжа и Кресса. Отсюда берет начало важнейшее научное направление, получившее название мультимодальность [3; 4; 8; 9; 10; 13; 14]. Что же это такое? Научный лидер этого направления Гюнтер Кресс утверждает, что использование этого понятия варьируются в широком спектре: от того, что можно было бы охарактеризовать как «позицию здравого смысла» (commonsense positions), к «позиции теории» (theory-based positions) [2, с. 80]. «Позиция здравого смысла» часто проявляется в том, что о мультимодальности рассуждают в логике «добавления». При этом ядром, к которому «добавляются» новые аспекты, обычно выступает лингвистический материал, а весь комплекс других модусов коммуникации оказывается отнесен к области *экстралингвистического*.

При всем разнообразии школ и традиций мультимодального анализа их все можно было бы отнести к *социальной семиотике* в широком значении этого слова. Во всех них одним из главных стержней оказывается проблематика взаимодействия языка и социальной, которая не менее важна для интеграции области мультимодальных исследований. Ведь мультимодальность по большей части интересует исследователей, работающих в этой области, не сама по себе, а именно в контексте вопросов о соотношении социального и коммуникативного.

При этом и понимание социальности существенно расширяется: «Если в лингвистике отправной точкой для мышления или работы выступает «язык», понимаемый как речь или письмо, то в мультимодальности «материальные» ресурсы языка в своей многочисленности и своем разнообразии выходят далеко за пределы речи и письма. Слово *материальные* здесь используется в значении, отсылающем к тем феноменам, которые доступны средствам восприятия, (человеческому) сенсориуму» [2, с. 78].

Подобная трактовка социальности позволяет осуществить существенную новацию в мультимодальных исследованиях за счет разработки комплексного понимания техник и технологий, одновременно коммуникативных и социальных, то есть «социально сконструированных культурных ресурсов, которые участвуют в создании значащих материалов (meaning materials)» [2, с. 79].

Накопленный за три десятилетия опыт междисциплинарных исследований стал мощным потоком, который вышел далеко за пределы русла социальной семиотики. Достаточно упомянуть, помимо мультимодальности, такие заметные научные направления, как биосемиотика и киберсемиотика, меметика, биополитика и т. п. Ключом к дальнейшему прогрессу социальной семиотики и составляющих ее ореол научных начинаний, о которых шла речь, является интенсификация трансфера знаний между соответствующими научными традициями, а также конвергенция их теоретико-методологических установок.

Социальная семиотика завтра: вызовы трандисциплинарного функционализма

Одна из крайне важных задач, связанных с развитием трандисциплинарных взаимодействий социальной семиотики, состоит в том, чтобы обобщить опыт междисциплинарной интеграции трех ведущих потоков функциональных исследований, связанных с социальными и политическими науками, с лингвистикой и с когнитивистикой [1].

Принято считать, что функциональный подход к изучению общественных процессов и явлений стал доминировать в социальных науках в середине прошлого века под маркой структурного функционализма. Он стал кульминацией длительного векового процесса, позволившего поставить предельно общие и фактически универсальные понятия структуры и функции в основу всего теоретико-методологического строя современной социальной науки или даже науки вообще. Всеобщий энтузиазм оправдался далеко не в полной мере и быстро сменился критикой функционализма.

Ключевая теоретико-методологическая проблема заключается в объяснении того, чем аппарат общей теории систем и структурно-функционального анализа не удовлетворил наших коллег полвека назад. За разного рода контекстуальными упреками и даже вымышленными причинами (дефицит критики, динамики и т. п.) кроется вполне отчетливое методологическое неудовлетворение слишком грубым характером инструментария, который не позволяет, как кажется при его прямом использовании, осуществить тон-

кие исследовательские процедуры. Означает ли это, что функционалистский инструментарий не годен в принципе (поспешный вывод, сделанный многими полвека назад) или что он требует наладки, заточки и переделки для более тонкого анализа? Скорее верно второе. Однако просто сказать об этом еще не означает решить проблему. Нужны альтернативы. Где их искать? Одно из направлений поиска заключается в том, чтобы рассмотреть функционалистские по своему характеру исследовательские практики последних полвека, которые были связаны с более узкими и специализированными контекстами изучения иных предметных областей.

Функциональные исследования в языкознании обычно связывают с традициями, заложенными выдающимися лингвистами И. А. Бодуэном де Куртене, Ф. де Соссюром и О. Есперсеном. Своего рода программу лингвистического функционализма сформулировали представители следующего поколения. Это были Р. О. Якобсон, Н. С. Трубецкой и С. О. Карцевский, которые в «Тезисах Пражского лингвистического кружка» (1929) трактовали язык как целенаправленную систему средств выражения. Фактически одновременно выдающийся немецкий психолог К. Бюлер выдвинул идею трех функций языка – экспрессивной, апеллятивной и репрезентативной, посвятив последней большую часть своего замечательного труда «Теория языка».

В свою очередь Р. О. Якобсон выделял шесть основных функций речевой коммуникации. Эти функции ориентированы на различные аспекты речевого акта – на говорящего, воспринимающего его адресата, контакта между ними, ситуацию общения, код и собственно сообщение. Он также выдвинул концепцию «динамической синхронии», которая позволяла связать историческую эволюцию языка и овладение им отдельным человеком через развитие ключевых функций общения.

В нашей стране отдельным большим и очень значительным по полученным результатам стала так называемая функциональная стилистика языка. Создателями этой замечательной традиции стали В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Л. В. Щерба и другие выдающиеся лингвисты. Эта традиция окончательно оформилась в середине 50-х годов после масштабной дискуссии в журнале «Вопросы языкознания». Фактически данное направление на свой лад предвосхищало развитие дискурса-анализа и социальной семиотики.

Таким образом, функциональные исследования осуществлялись в самых разных дисциплинарных традициях. Одновременно отрабатывались различные функционалистские теоретико-методологические принципы с учетом специфики областей знания и предмета изучения. В результате всех этих усилий был накоплен богатейший, но крайне разнородный опыт, который сложно даже обозреть, не говоря уж о том, чтобы свести воедино. И именно в этом плане важно обратить внимание на потенциал социальной семиотики, которая как раз начала формироваться как естественный интерфейс между лингвистикой и социальными науками, отчасти затрагивающий также и сферу когнитивистики.

В нынешних условиях мультимодальность заняла положение ядра в пространстве разнообразных социосемиотических проектов. Сохранит ли она это положение? В ближайшие годы – несомненно. Однако когнитивные

исследования, а также изучение антропогенеза и онтогенеза человека могут составить ей конкуренцию уже очень скоро.

В силу того обстоятельства, что сам Майкл Халлидей и его ученики были лингвистами, развитие дальнейших исследований в рамках социальной семиотики привело к тому, что отклонения от изоморфизма социальных и языковых планов рассматривали преимущественно как бы в перспективе взгляда изнутри языка. Возникающая асимметрия была вполне оправдана теми исследовательскими вопросами, которые ставились в социосемиотике, и не создавала существенных методологических проблем. Однако данная асимметрия если и не исключала, то значительно ограничивала возможности анализа от социальных институтов и явлений к их коммуникативным и символическим соответствиям. Тут существует громадный резерв и поле для мощнейшего развития социальных в целом и отдельных дисциплин в особенности.

Можно и нужно развернуть асимметрию и взглянуть в противоположном направлении – в перспективе взгляда изнутри социальных структур вовне, в знаковые системы. Это само по себе было бы крайне значимой новацией. Ее можно было бы усилить за счет комбинирования перспектив изнутри / вовне в их различных версиях и вариантах. Это потребовало бы усвоения непривычного, но крайне выигрышного методологического потенциала, выработки нового исследовательского языка или языков.

1. Гаврилова М.В. Социальная семиотика: опыт систематизации терминологической системы // Политическая наука. – М., 2016. – № 3. – С. 101–117.
2. Кресс Г. Социальная семиотика и вызовы мультимодальности // Политическая наука. – М., 2016. – № 3. – С. 77–100.
3. Bateman, John. *Multimodality and genre: A foundation for the systematic analysis of multimodal documents*. Springer, 2008.
4. Bezemer J., Kress G. *Multimodality, learning and communication: A social semiotic frame*. – Routledge, 2015. – 170 p.
5. Halliday M. A. K. *Language as social semiotic: The social interpretation of language and meaning*. – L.: Edward Arnold, 1978. – 256 p.
6. Hodge R., Kress G. *Social semiotics*. – Cambridge: Polity press, 1988. – 285 p.
7. Hodge R. *Social semiotics for a Complex World*. – Cambridge: Polity press, 2017. – 258 p.
8. Holsanova, J. (2012). New methods for studying visual communication and multimodal integration. *Visual Communication* 11, 251–257.
9. *Introducing Multimodality* / Carey Jewitt, Jeff Bezemer and Kay O'Halloran. – L., Routledge, 2016. – 220 p.
10. Kress G., Van Leeuwen T.V. *Multimodal discourse: The modes and media of contemporary communication*. – L.: Edward Arnold. 2001.
11. Kress, Gunther. *Multimodality: A social semiotic approach to contemporary communication*. – Routledge, 2009. – 232 p.
12. Kress, Gunther. "Multimodal discourse analysis." *The Routledge handbook of discourse analysis*. Routledge, 2013. 61–76.

13. O'Halloran, Kay L. "Multimodal discourse analysis." *Companion to discourse* (2011): 120–137.
14. O'Halloran, Kay, ed. *Multimodal discourse analysis: Systemic functional perspectives*. A&C Black, 2004.
15. Scollon, R., & Wong Scollon, S. (2003). *Discourses in Place: Language in the Material World*. London: Routledge.

References

1. Gavrilova M.V. Social'naya semiotika: opyt sistematizacii terminologicheskoy sistemy // *Politicheskaya nauka*. – M., 2016. – № 3. – S. 101–117.
2. Kress G. Social'naya semiotika i vyzovy mul'timodal'nosti // *Politicheskaya nauka*. – M., 2016. – № 3. – S. 77–100.
3. Bateman, John. *Multimodality and genre: A foundation for the systematic analysis of multimodal documents*. Springer, 2008.
4. Bezemer J., Kress G. *Multimodality, learning and communication: A social semiotic frame*. – Routledge, 2015. – 170 p.
5. Halliday M. A. K. *Language as social semiotic: The social interpretation of language and meaning*. – L.: Edward Arnold, 1978. – 256 p.
6. Hodge R., Kress G. *Social semiotics*. – Cambridge: Polity press, 1988. – 285 p.
7. Hodge R. *Social semiotics for a Complex World*. – Cambridge: Polity press, 2017. – 258 p.
8. Holsanova, J. (2012). New methods for studying visual communication and multimodal integration. *Visual Communication* 11, 251–257.
9. *Introducing Multimodality* / Carey Jewitt, Jeff Bezemer and Kay O'Halloran. – L., Routledge, 2016. – 220 p.
10. Kress G., Van Leeuwen T.V. *Multimodal discourse: The modes and media of contemporary communication*. – L.: Edward Arnold. 2001.
11. Kress, Gunther. *Multimodality: A social semiotic approach to contemporary communication*. – Routledge, 2009. – 232 p.
12. Kress, Gunther. "Multimodal discourse analysis." *The Routledge handbook of discourse analysis*. Routledge, 2013. 61–76.
13. O'Halloran, Kay L. "Multimodal discourse analysis." *Companion to discourse* (2011): 120–137.
14. O'Halloran, Kay, ed. *Multimodal discourse analysis: Systemic functional perspectives*. A&C Black, 2004.
15. Scollon, R., & Wong Scollon, S. (2003). *Discourses in Place: Language in the Material World*. London: Routledge. *Social Semiotics: Study of Discourses and Practices of Social Interaction*

UDC 316.77+81

DOI 10.17506/dipi.2018.32.3.1524

SOCIAL SEMIOTICS: STUDY OF DISCOURSES AND PRACTICES OF SOCIAL INTERACTION

Iyin Mikhail Vasilyevich,

National Research University Higher School of Economics,
Center for Advanced Methods of INION RAS,
Moscow, Russia,
E-mail: mikhaililyin48@gmail.com

Fomin Ivan Vladlenovich,

National Research University Higher School of Economics
Center for Advanced Methods of INION RAS,
Moscow, Russia,
E-mail: fomin.i@gmail.com

Annotation

The article presents a review of the development of social semiotics in the four recent decades of its existence. It focuses on its subject matter and disciplinary dimensions as well as on current challenges of multimodality and multidisciplinaryity.

Key concepts:

social semiotics, multimodality, multidisciplinaryity, discourse, social practices, social interactions.